
СВЯЗЬ ВРЕМЕН. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

В. В. КАНИЩЕВ, Н. С. ЦИНЦАДЗЕ

СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.*

В статье рассматривается генезис социоприродного кризиса в Европейской России и общественно-политические дискуссии о способах его устранения в начале XX в. Анализируются социоестественные аспекты Октябрьской революции 1917 г., аграрной политики дореволюционного, Временного и советского правительств, программные положения ведущих политических партий в начале XX в. и в период февраля – октября 1917 г., резолюции съездов Лиги аграрных реформ. Делается вывод об осознанном властном восприятии экологических проблем деревни Европейской России и попытках их решения на сравнительно длительном историческом отрезке, где события 1917 г. выступили важным водоразделом в их государственно-общественном понимании.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., аграрный кризис, аграрное перенаселение, дореволюционные политические партии России, экологическая история России, советская довоенная деревня.

Введение

Так уж повелось, что каждая юбилейная историческая дата в России инициирует всплеск интереса к ней, к людям и событиям, за ней стоявшим. Государство и общество переосмысливают прошлое с современных позиций, в лучшем случае – извлекают уроки из

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-10032).

опыта предшественников. Есть в нашей истории знаковые, рубежные, формирующие события, отношение к которым образует палитру разнообразных позиций, меняющихся в зависимости от политических и социально-экономических условий в стране. Одним из них, безусловно, является революция 1917 г., столетие которой пришлось на текущий год.

Российская революция, имевшая эпохальное и общемировое значение, неоднозначно оценивалась уже современниками: ее оценка колебалась от «великой разрухи» (князь П. Д. Долгоруков) до «Великой Октябрьской революции» (В. И. Ленин). Споры по поводу ее причин, последствий и исторической роли не утихают до сих пор. Многие ее аспекты становились объектом внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Долгое время у нас широко отмечались юбилеи Октября 1917 г. К концу XX в. «революционность» революции была поставлена под сомнение, ее называли «Октябрьским переворотом», советская патетика ушла в прошлое. Современный взгляд на события 1917 г. все более отражает восприятие Октябрьской революции как составного элемента единого революционного процесса – Великой русской революции 1905–1922 гг. Такой подход исторически и логически обоснован, он примиряет крайние позиции, сокращая количество разъединяющих государство и общество дискуссионных тем.

Цель исследования и предыстория проблемы

Социоприродные факторы революционных пертурбаций 1917 г. находятся в тени изучения их политических аспектов, поэтому целью данной статьи является привлечение внимания к проблеме взаимодействия государства, общества и природы в этот трансформационный период. Мы исходим из того, что базовым вопросом революции и одновременно его причиной был глубокий аграрный кризис, а главной движущей силой процесса ломки устоявшихся общественных отношений выступило крестьянство Европейской России. Нельзя не согласиться с С. А. Нефёдовым в том, что причиной революции было аграрное перенаселение деревни, возникшее в пореформенное время (Нефёдов 2016: 58–59). Перенаселение, особенно Центральной России, приводило к необеспеченности земель и иными ресурсами для полноценного развития крестьян-

ских хозяйств, а значит, сельского хозяйства – основного сектора дореволюционной российской экономики. Оно же стало причиной истощения земель, сокращения сенокосов и пастбищ, вырубке лесов, распространения песков и оврагов, заиливания рек и прочих, говоря современным языком, экологических проблем.

Впервые на их появление и активное распространение указали пореформенные ученые-естественники, земские деятели, участники так называемой Валуевской комиссии 1872–1873 гг. – специально организованного обследования состояния крестьянских хозяйств Европейской России под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева. Затем последовали комиссия под руководством В. И. Ковалевского, директора одного из департаментов министерства финансов, – «Особое совещание для выяснения общих и основных причин экономического упадка группы губерний центрально-черноземной полосы Европейской России» (1899–1901 гг.), «Комиссия о Центре» под председательством товарища министра финансов В. Н. Коковцова (1901 г.) и др. (Цинцадзе 2012а: 136–146). Энергичные меры по преодолению негативных социоестественных последствий аграрного перенаселения стали предприниматься в начале XX в., когда по инициативе министра финансов С. Ю. Витте было созвано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (1902–1905 гг.). Материалы с мест воочию показали глубину кризисных явлений в деревне Европейской России (Там же: 153–169).

Власть отреагировала на это вполне разумно: с конца 1890-х гг. начались, а в 1910-е гг. достигли размаха мелиоративные мероприятия по укреплению песков и оврагов в Центральной России. В 1902 г. была введена законодательная защита так называемых водоохраных лесов; в 1904 г. был учрежден Гидрологический комитет – специальный государственный орган, ведавший регулированием и охраной водного хозяйства страны; создавалась сеть государственных и частных сельскохозяйственных опытных станций. С 1912 г. при Императорском Русском географическом обществе начала функционировать Природоохранительная комиссия и др. (Канищев, Цинцадзе 2011: 273–283).

Очевидно, что эти меры явно были недостаточны ни по объему, ни по финансированию, ни по кадровому обеспечению. По данным

одного из создателей Госбанка СССР экономиста З. С. Каценеленбаума, государственные затраты на мелиорацию были минимальны. Так, в 1909 г. они составляли 0,19 % от бюджета, в 1910 г. – 0,26 %, в 1911 г. – 0,49 %, в 1912 г. – 0,44 %, в 1913 г. – 0,48 %. Беспрецедентная сумма на земельные улучшения была заложена в так называемом Романовском фонде, утвержденном еще Государственной Думой в 1914 г., – 150 млн руб., или 1,5–2 % от всего бюджета империи. Эти средства щедро были выделены в рамках празднования 300-летия дома Романовых. Однако в связи с начавшейся Первой мировой войной эти мероприятия так и не были реализованы (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Ед. хр. 134. Л. 6). Как экономист З. С. Каценеленбаум сетовал на крайнюю скупость правительства при отчислении средств на рекультивацию земель. До революции, в период с 1909 г. по 1913 г., на эти нужды было потрачено всего лишь 10 млрд руб., или 23 % расходов бюджета. Большая часть государственных средств вкладывалась в железнодорожный транспорт, городское строительство и индустрию (Там же. Л. 36–40, 43).

Важным мероприятием государства стало учреждение в 1907 г. межведомственной комиссии для пересмотра законодательства по водному праву под председательством сенатора И. И. Карницкого. На данную комиссию возлагалась сложная задача систематизации, анализа и разработки Водного устава страны. После длительных обсуждений к 1914 г. проект был подготовлен, но так и не был внесен на рассмотрение Государственной Думы – Первая мировая война и последовавшие за ней события, по сути, перечеркнули долгие годы тщательной и профессиональной работы членов комиссии И. И. Карницкого (Цинцадзе 2013).

Социально-экономические вопросы аграрного развития обсуждались на заседаниях Государственной Думы начала XX в., а до этого – на совещаниях либерального земства в апреле 1905 г. Особое внимание следует обратить на одобренную Государственной Думой четвертого созыва правительственную инициативу о проведении значительных землеустроительных работ в рамках упомянутых ранее «романовских» мероприятий в честь 300-летия дома Романовых. Они предполагали проведение в течение 1915–1919 гг. широкомасштабных мероприятий по улучшению земледелия в Европейской России: осушение болот на севере и северо-западе,

укрепление песков и оврагов в центре и на юге Европейской России, проведение по необходимости лесокультурных мероприятий. Как отмечалось в докладе главноуправляющего, площадь неудобных земель на территории Европейской России составляла 70,5 млн десятин, то есть 19 % всей площади Российской империи. Причем песков было 6 млн десятин, а под оврагами находилось свыше 1 млн десятин. По его мнению, масштаб запланированных землеустроительных работ был чрезвычайно огромен, что требовало объединения усилий земств и правительства, а также аккумуляирования государственных и частных средств (Цинцадзе 2012б).

Одним словом, дореволюционная власть видела экологические проблемы, осознавала их антропогенное происхождение вследствие перенаселения старопахотных губерний и меры все же предпринимала, хоть и запоздалые. С таким «отягчающим» элементом страна встретила Первую русскую революцию 1905–1907 гг. Погромное движение в деревне, самочинные захваты земель крестьянами красноречиво доказали провал царской аграрной политики и нерешенность пресловутого земельного вопроса. Как отмечает Л. Т. Сенчакова, осуществившая исследование 664 сельских мирских приговоров 16 губерний Центральной России периода Первой русской революции (Сенчакова 1989), крестьянские приговоры изобиловали жалобами на малоземелье, земельную неустроенность в виде чересполосицы и пр. При этом главным вопросом в 76 % приговоров была, конечно же, земля. В большинстве своем крестьянство, охваченное эгалитаристскими чувствами, отрицало право частной собственности на землю, призывая депутатов Государственной Думы бороться за безвозмездный переход земли в руки тех, кто ее обрабатывал (Сенчакова 1996: 65–69).

Экологические сюжеты в программных установках политических партий России

«Аграрный вопрос в России издавна был вопросом политическим», – справедливо замечал экономист-аграрник начала XX в. Л. Н. Литошенко. На его широком поле «разные партии сводили свои счёты» (Литошенко 2001: 104). Отдельным разделом в программах политических партий начала XX в. был аграрный вопрос, превратившийся в мишень критики царского правительства. Наи-

более полный анализ программ партий того периода осуществил Л. Г. Протасов (2005). Ученый обратил внимание, что применительно к тем условиям речь шла именно об экологических сюжетах, а не о проблемах в нынешнем их понимании. Современники относили их к разряду социальных и экономических. Внимательное изучение политических программ первых российских партий рубежа XIX–XX вв. позволило историку констатировать присутствие в них, пусть и неявно, вопросов экологии, которые по сравнению с другими злободневными проблемами занимали в программах скромное место. Важно, что представители всех политических сил того времени признавали наличие экокризисных явлений в деревне, но толковали их по-разному (Там же: 20–21).

У марксистских партий вообще отсутствовала постановка вопроса о взаимоотношениях общества и природы. Программа эсеров в качестве условия социального прогресса признавала рост власти человека над естественными силами природы в соответствии с ростом населения и его потребностями. Еще ярче мысль о превосходстве человека над природой и вера в его безграничные возможности проявлялась в программе Партии революционного коммунизма (1918–1920 гг.). Менее всего были обеспокоены экологическими аспектами, по мнению Л. Г. Протасова, либеральные партии – кадеты и октябристы. В их программах имелись лишь весьма расплывчатые формулировки об улучшении землепользования. Партия мирного обновления стала единственным либеральным политическим объединением, высказывавшимся за сохранение защитных и водоохраных лесов.

Более всего проблемы малоземелья, производительности сельского хозяйства и т. д. волновали правые партии, такие как Русская монархическая партия (с 1907 г. – Русский монархический союз). Они включили в свои программы рекомендации по расселению избыточного населения, проведению мелиоративных работ, облесению и обводнению ряда территорий и др. Таким образом, заключал ученый, в понимании важности вопросов повышения агротехнической культуры правые партии были дальновиднее социалистов. При этом в целом российская политическая элита начала XX в. была далека от понимания насущности и остроты вопросов экологии, резюмировал Л. Г. Протасов.

Продолжая анализ своего предшественника, мы проследили программные изменения основных политических партий страны в части экологических аспектов аграрной сферы, появившиеся после Февральской революции, в период обострения борьбы за власть. Было ясно то, что соперничество за народные симпатии разворачивалось вокруг земельной реформы, неизбежность которой была очевидна. Умеренно-либеральные и консервативные партии вынуждены были молчать, схватка развернулась в основном между тремя ведущими политическими силами – кадетами, эсерами и социал-демократами. Все они были правящими (кроме большевиков, разумеется), потому как с мая 1917 г. входили в коалиционные составы Временного правительства. Каждая из партий щедро раздавала обещания и выдвигала заманчивые лозунги.

Партия конституционных демократов (после 1917 г. – Партия народной свободы) на VIII съезде 9–12 мая 1917 г. существенно пересмотрела аграрный раздел своей программы. В него были включены новые пункты: об устранении чересполосицы на крестьянских полях, о «техническом упорядочении трудового землевладения», об организации переселений и о «мероприятиях, направленных к поднятию производительности трудового землевладения» (мелиорация, кооперация, применение агрономических мер хозяйствования). На съезде говорилось о широкой постановке землеустроительного дела в стране. Отдельно обсуждался пункт об охране лесов защитного значения. Как считали кадеты, леса должны были составлять государственную собственность, за исключением некоторых площадей сельскохозяйственного значения. Признавалось, что в силу важности лесонасаждения и распространения пашенного хозяйства вопрос об облесении должен быть решен особым законом. Как полагали либералы, государство должно было контролировать и водные ресурсы в стране (Колодежный 2010: 420–423, 484–489).

Данные изменения были разработаны аграрной комиссией ЦК партии (создана решением VII съезда Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 г.) под председательством А. А. Корнилова и в специально организованном бюро ЦК партии кадетов, в которое вошли А. А. Корнилов, Н. Н. Глебов, Н. Н. Кутлер и В. А. Оболенский.

При обсуждении изменений аграрной части программы на съезде возникла дискуссия. Так, И. М. Финкель, представитель московского отделения партии, обратил внимание на то, что прирезка земель не решила бы проблему крестьянского малоземелья. По его мнению, необходимо было отказаться от общинного землевладения и трехполья (Колодежный 2010: 441). В. А. Самойлов, делегат из Владимирской губернии, считал, «что в одном пункте государство должно было нажать – уничтожить чересполосицу парламентарным путем, а затем принять все меры к улучшению земельной культуры, травосеянию, удобрению земель и т. д. и притом совершенно безвозмездно» (Там же: 446). Агроном Н. В. Малолетенков дополнял: необходимо за счет государственных средств устранить не только мелкоземелье и внутринадельную чересполосицу, но и внеадельную чересполосицу. Правильная эксплуатация лесов должна была распространиться и на надельные крестьянские леса, так как их лесное хозяйство велось «скверно» (Там же: 446–447).

Член московского городского комитета В. В. Пржевальский считал, что не стоило вводить государственную собственность на все леса (их выкуп слишком дорого обошелся бы казне), а надо было ограничиться лишь введением общих правил эксплуатации лесов (Там же: 450–451). Делегат Сергеев из Курска также говорил о том, что партия должна не только выдвигать лозунг о раздаче земли крестьянам, но и требовать улучшения ее обработки, иначе прирезка земли будет кратковременным утолнением земельного голода (Там же: 453).

Эсеры – единственная партия, которая заявила о том, что ее аграрная программа не нуждается в корректировке. Эту партийную позицию озвучил Н. И. Ракитников на III съезде ПСР, проходившем в период с 30 мая по 3 июня 1917 г. Эсеры предполагали создать при ЦК партии специальную аграрную комиссию, которая рассматривала бы основные положения политики социализации земли до созыва Учредительного собрания (Там же: 489–490). Эсеры были против немедленного захвата земли крестьянами. Они полагали, что резкое уничтожение частного землевладения ослабит производительные силы сельского хозяйства, поэтому призывали следить за сохранностью животноводческих питомников, ограничивать «безрассудную сводку лесов», продажу их на сруб

(Колодежный 2010: 496–497). О важности сохранения племенного скота говорил Н. Я. Быховский (Там же: 509).

На съезде эсеры решили включить в программу пункт об урегулировании рубки лесов, но на уровне разработки рекомендаций по оптимальному использованию лесных ресурсов, а также пункт о взятии на учет и в общественное заведование губернскими и уездными земельными комитетами культурных хозяйств (Там же: 525–526). Эти вопросы включались в программу без дальнейшей конкретизации, которую партийцы в то время считали лишней.

На I съезде энесов (Народно-социалистической партии, 1905–1918 гг.) 18–19, 21 июня 1917 г. упоминались экологические аспекты землепользования: Н. П. Огановский предлагал передать в государственное и земское распоряжение лесные угодья и культурные имения как наиболее ценные, которые в дальнейшем под их контролем могли передаваться в пользование сельскохозяйственным обществам, кооперативам, крестьянским обществам и товариществам (Там же: 531–532).

Меньшевики на Объединительном съезде РСДРП 23 и 26 августа 1917 г. заявили о том, что они рассматривали земельный вопрос в большей степени не как экономический, а как политический (Там же: 545). В целом, следуя тезису о муниципализации земли, они указали на необходимость введения государственной собственности на леса и земли, предназначенные для проведения переселенческой политики (Там же: 554).

Большевики в 1917 г. специально не оговаривали вопросы землевладения, сделав упор на популистском лозунге национализации земли, что нашло отражение в резолюции VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) 28 апреля 1917 г. (Там же: 415).

Политика Временного правительства и деятельность Лиги аграрных реформ

Политические дискуссии по аграрному вопросу, временами перетекавшие в демагогию, проходили на фоне крайне осторожной и нерешительной аграрной политики Временного правительства, откладывавшего решение вопроса о земле, впрочем, как и всех остальных, до созыва Учредительного собрания. Для отвлечения внимания крестьянства от земельного вопроса оно вяло занима-

лось законодательным урегулированием вопросов лесопользования, рыбного промысла и пр. (Сборник... 1917).

Околоправительственные общественные организации в лице межпартийного научного объединения Лиги аграрных реформ также не придавали экологическим аспектам аграрного вопроса решающего значения. Ученые-аграрники, составлявшие его интеллектуальное ядро, рассматривали землю и иные природные ресурсы преимущественно с экономической позиции, игнорируя их единую природно-хозяйственную природу. Как выразился общественный деятель и публицист кадет П. П. Гронский, «земельный вопрос есть вопрос экономический» (Основные... 1917: 444). Их рассуждения о рынке и экономических показателях развития села не согласовывались с ожиданиями большинства крестьянства.

Жаркое обсуждение изучаемых нами аспектов состоялось на II съезде Лиги аграрных реформ 23–26 июня 1917 г. Н. П. Огановский указывал на необходимость «выработки и проведения в жизнь стройного плана земельной реформы, связанного с обширными работами по землеустройству, мелиорации и расселению крестьянских масс» (Там же: 11). Такой план диктовался малоземельем и чересполосицей. На перераспределение земельного фонда между крестьянами Н. П. Огановский закладывал два года, а на землеустроительные работы – два десятилетия (Там же: 12).

Энес В. А. Анисимов указал на то, что только крупное коллективное хозяйство может осуществлять рациональное землепользование (Там же: 558). Агроном энес А. Н. Минин считал, что леса нельзя было передавать в руки крестьянства напрямую – лесные угодья должны были быть национализированы (Там же: 569). Экономист и агроном Б. Д. Бруцкус призывал коллег приняться за осуществление конкретных мер, а не рассуждать об идеальном аграрном строе. Он предупреждал о том, что прирезка земли была бы временной мерой успокоения крестьян, она не решила бы проблемы малоземелья и низкой производительности крестьянских хозяйств. Необходимо было помимо экономических мер проводить землеустройство (Там же: 572, 580). О качественном улучшении крестьянских хозяйств говорил и кадет А. А. Кауфман (Там же: 589). В осознании необходимости широкого землеустройства сошлись многие делегаты съезда, высказавшись за проведение госу-

дарством мелиоративных и землеустроительных мероприятий. Экономист З. С. Каценеленбаум предложил для этих целей развивать мелиоративное кредитование и создать государственный мелиоративный банк (Основные... 1917: 31, 38, 41).

Социоприродные аспекты советской аграрной политики

Большевики же, чутко улавливая крестьянские настроения и выдвинув понятные большей части общества лозунги, смогли привлечь на свою сторону симпатии крестьянства, а в итоге – прийти к власти осенью 1917 г. Декларативным Декретом о земле 26 октября 1917 г. они, казалось бы, воплотили мечту миллионов крестьян. В этом же ключе уравнительного землепользования в феврале 1918 г. совместно с левыми эсерами был подготовлен «Основной закон о социализации земли». Однако на деле прибавка земли для многомиллионного малоземельного и безземельного крестьянства оказалась ничтожной: согласно данным анкетирования Отдела землеустройства Наркомзема РСФСР, на едока приходилось десятые и даже сотые доли десятины. В большинстве губерний увеличение наделов не превышало полдесятины, и лишь в немногих достигало десятины (Книпович 1920: 9). Прогнозы экономистов-аграрников оправдались: «...революция оказалась слишком дорогим и невыгодным способом передачи в руки крестьян несколько миллионов десятин помещичьей земли» (Литошенко 2001: 373).

Социоприродные явления представляют длительный процесс, поэтому имеет смысл в рамках нашего обзора проследить дальнейшее их развитие в первые послереволюционные десятилетия. В частности, проведенный нами ранее контент-анализ декретов первых четырех лет советской власти показал, что советская власть в донэповский период активно реагировала на экосоциальные деформации сознательно ломаемого ею аграрного общества, закладывала матрицу для их решения в будущем (Канищев, Цинцадзе 2016). Из выявленных нами 107 документов демоэкологической направленности 40 (37,4 %) посвящено законодательно-административному регулированию вопросов землепользования, 22 (20,6 %) – продовольственного обеспечения в условиях неурожая и голода, 17 (16 %) – лесопользования, 12 (11,2 %) – кадрового обес-

печения сельхозотрасли, 9 (8,4 %) – скотоводства и пр., 6 (5,6 %) – крестьянских переселений за Урал, 3 (2,8 %) – водопользования. Из всего огромного нормативного массива (5,5 тыс. документов) социоприродные проблемы занимали 2 %.

Дальнейшее текстуальное изучение советских партийно-властных предписаний 1920–1930-х гг. доказало, что проблемы преодоления негативного антропогенного воздействия на природные ресурсы, несомненно, входили в «ткань» законодательства советского государства, становились частью аграрной, шире – экономической политики (Цинцадзе 2016). Революционно-чрезвычайный характер нормативных решений периода конца 1910-х гг. сменили планомерные и комплексные партийно-властные постановления 1920–1930-х гг. Власть осознавала, что решение задач расширения посевных площадей, роста урожайности и животноводства невозможно без рационального лесо- и водопользования, кадрового обеспечения и управления сельским хозяйством и пр. При этом экологическая политика государства была неустойчивой и волнообразной, привязанной к определенным социальным и природным явлениям. На нее оказывали заметное влияние (становясь одновременно ее фоном) незавершенность землеустроительных работ, которые явно препятствовали эффективному внедрению мелиоративных и прочих мер, внутривластный курс руководства, ориентированный на классовую борьбу с чуждыми элементами в деревне и в дальнейшем – на ресурсное обеспечение индустриализации страны и укрепление ее обороноспособности. Необходимость укрепления обороноспособности государства прямо или косвенно подчеркивалась практически во всех документах того периода. Она была мощной мотивацией для власти и общества.

Догоняющая модернизация страны по-сталински означала решительный, напористый, безоглядный «слом» патриархальной деревни в ущерб морально-этическим, культурным, экономическим, социальным «кодам» традиционного аграрного уклада. Тоталитарный политический режим проводил экологическую и демографическую политику, как и любую другую, директивно, сверху. Это означало предельное напряжение всех сил страны, включая и природные ресурсы. В этой масштабной «мясорубке» ценность человеческой жизни и окружающей природы была нивелирована, ими

готовы были пожертвовать ради глобальной и важной цели. Проблемы экологии сельского хозяйства, в общем-то, не относились к разряду государственной важности, «задавливались» актуальными и более значимыми для руководства страны задачами, которые, в свою очередь, были обусловлены внутривластными и внешнеполитическими приоритетами.

Предпринимаемые меры давали незначительный результат и непродолжительный эффект, что было вызвано застарелостью и остротой эколого-демографического кризиса. Его углублению способствовали и сами большевики на этапе первоначального строительства нового государства, когда годами допускали бесконтрольную вырубку лесов, в том числе водоохранных, запустение полей и пр. Вся первая половина 1920-х гг. была занята восстановлением разрушенного войной, революцией, гражданским конфликтом сельского хозяйства, борьбой с частыми засухами, научной разработкой мер борьбы с негативными социоприродными явлениями. Перелом наступил со второй половины 1920-х гг., когда власть приступила к планомерной интенсификации, мелиорации, механизации, коллективизации сельского хозяйства. Основным лейтмотивом всех партийно-властных предписаний 1930-х гг. являлось расширение механизации сельского хозяйства. Важнейшим «хозяйственным ужасом» для государства были, конечно же, засухи, которые наносили тяжелые удары по состоянию экономики в целом, политическому настроению населения и социальной стабильности. Примечательно, что активизация обсуждения и внедрения конкретных практических мер по рациональному природопользованию возникла после крупных неурожаев и природных катаклизмов. Правда, со временем власть сделала упор на их упреждение.

Экстенсивное расширение площади обрабатываемых земель, несмотря на декларированное тяготение к интенсификации сельского хозяйства, занимало видное место в аграрной политике государства. Это объясняется стремлением власти обеспечить наличие достаточного количества резервных территорий, которые подстраховывали бы старые районы земледелия в Центре РСФСР, создавали гарантии сбора урожая и продовольственной безопасности в целом. После уроков разрушительных засух партия и правительство

сконцентрировали внимание на создании и развитии засухоустойчивых хозяйств, систем ирригации и улучшенной мелиорации. Власть не жалела средств на подготовку квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, начиная от административно-партийного и колхозно-совхозного звеньев на местах до научных кадров высшей квалификации.

Наметились позитивные направления так называемой экологической политики советской власти в аграрном секторе. Во-первых, власть заботилась о кадровых и научных основах модернизации сельского хозяйства. Борьба с негативными природными явлениями (засухи, эрозии, суховеи и пр.) приобрела систематизированный и научно обоснованный характер. Во-вторых, государство, пусть и вынужденно, обратилось к проблеме развития животноводства. В-третьих, с 1931 г. правительство озаботилось вопросами агролесомелиорации как метода борьбы с проблемами обмеления рек, частых засух и пр. С того времени был разработан и поэтапно внедрялся широкий план энергичных мер по сокращению рубок и расширению площади водоохраных лесов, защищавших главнейшие реки европейской части РСФСР. В-четвертых, стоит отдельно отметить и весьма продуманную, активную агитационно-пропагандистскую кампанию по популяризации среди сельского населения правильных способов ведения сельского хозяйства, мелиорации, рационального лесо- и водопользования. В этом власть Советов явно превзошла свою предшественницу.

Выводы

Проведенный нами анализ социоестественных аспектов Российской революции 1917 г. в его исторической ретроспективе и ближайшей постреволюционной перспективе позволил уловить базовые элементы властного отношения к проблеме взаимодействия природы и общества. Суммируя их, выделим его основные элементы. Во-первых, определенные усилия государства (и царского, и советского), направленные на рациональное природопользование, как правило, вызывались обострением социоприродных условий: засух, голода, перенаселенности, недостатка хозяйственных ресурсов. Во-вторых, по мере углубления демографического и экологического кризисов экологическая политика власти в аграрной сфере

приобретала более систематический характер. В-третьих, революционный процесс 1905–1922 гг. прервал эволюционную практику рационализации природопользования, осуществляемую царским правительством, внося в нее элемент чрезвычайности и хаотичности. В-четвертых, советской политике природопользования было присуще покорительно-потребительское отношение к природе, пренебрежение разумным доводами сельскохозяйственной науки (Зеленин 1999). В целом осознаваемые социоприродные проблемы сельского хозяйства в тот период не занимали приоритетного положения ни в программных положениях партий, ни в политике правящей власти. Показательно, что бюджетные отчисления на работу Наркомзема в 1922 г. были в три раза меньше, чем аналогичные траты на Главное управление землеустройства и земледелия в 1913 г.: 37 млн против 136 млн рублей (Литошенко 2001: 486).

Социоестественная проблематика российского аграрного общества была поставлена на обсуждение дореволюционными учеными, приоритет в ее осмыслении в дальнейшие десятилетия также сохранился за научным сообществом – деятелями Лиги аграрных реформ и учеными-агрономами. С их подачи и под влиянием ухудшения состояния окружающей среды большевики, до этого не особо уделявшие внимание вопросам рационального природопользования (по крайней мере, этот вывод следует из анализа их исходных программных установок) стали проводить в жизнь некоторые из их предложений. Правда, цель этой «экологической политики» была скорее утилитарной (обеспечить страну продовольствием, расширить экспорт зерна, леса и пр.), чем экофильно-созидательной.

Российские политические партии как в дореволюционный, так и в революционный период 1917 г. увлекались экономико-политической стороной аграрного вопроса. Наличие экокризисных явлений в сельском хозяйстве ими по-прежнему признавалось, но понималось по-разному в силу различия их идеологических взглядов. Особенно внимание к аграрному вопросу и его экологическим аспектам повысилось в период революционных событий 1917 г., когда обострилась борьба за власть. Партийные лидеры понимали, что основным вопросом революции был земельный, поэтому ведущие политические партии существенно пересмотрели свои про-

граммные установки в части земельного обеспечения крестьян, земле- и лесопользования. Основными диспутантами выступили представители правящих партий: кадеты, эсеры и меньшевики. В программе большевиков вопросам взаимодействия природы и человека специально не уделялось внимания.

Вопросы условий и норм земельного распределения находились явно на первом плане. Либералы и социалисты отчетливо понимали, что одной прирезки земель недостаточно, чтобы решить проблему крестьянского малоземелья, – требовалось качественное улучшение крестьянской практики землепользования, широкие мелиоративные мероприятия. Признавая ценность лесов и так называемых культурных имений с питомниками и прочими агрикультурными улучшениями, политики не вдавались в подробности их эксплуатации и сохранения. Проблемы водопользования менее всего волновали партийцев всех политических направлений.

Бесспорно, 1917 г. в отечественной истории взаимоотношений природы и общества стал важным идеологическим и практическим водоразделом. Поступательно развивавшиеся тенденции природопользования были грубо и решительно прерваны революционным процессом. Очевидно, что эти сюжеты требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Литература

Зеленин, И. Е. 1999. Невостребованная наука: аграрная наука и социалистическая практика в конце 20-х – начале 1930-х годов. *Аграрные технологии в России IX–XX вв. Материалы XXV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы* (с. 276–288). Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара.

Канищев, В. В., Цинцадзе, Н. С.

2011. Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 8: 273–283.

2016. Контент-анализ подходов советской власти к природно-экологическим проблемам 1917–1921 гг. *Социологические исследования* 9: 144–147.

Книпович, Б. Н. 1920. *Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917–1920)*. М.: Госиздат.

- Колодежный, В. Н. (сост.).** 2010. *Аграрные проекты*. М.: РОССПЭН.
- Литошенко, Л. Н.** 2001. *Социализация земли в России*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Нефёдов, С. А.** 2016. О Русской революции. *Эксперт* 44: 58–63.
- Основные** вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. *Лига аграрных реформ. Серия А. Органы земельной реформы*. М.: Универсальная библиотека, 1917.
- Протасов, Л. Г.** 2005. Вопросы экологии в программатике политических партий России начала XX века. В: Канищев, В. В. (ред.), *Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв. Материалы межрегиональной конференции. Тамбов, 5–6 октября 2005 г.* (с. 20–29). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина.
- Сборник** указов и постановлений Временного правительства. 1917. 86: 19.04. Ст. 493; 139: 20.06. Ст. 746.
- Сенчакова, Л. Т.**
1989. *Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.* М.: Наука.
1996. Крестьянские указы 1905–1907 годов. В: Афанасьев, Ю. Н. (ред.), *Судьбы российского крестьянства* (с. 65–69). М.: РГГУ.
- Цинцадзе, Н. С.**
2012а. *Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников*. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина.
2012б. Законодательное обсуждение демографических и экологических аспектов аграрного кризиса в России на заседаниях Государственных Дум начала XX в. *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 5: 333–338.
2013. Приоритетные правовые ценности государства и общества (на примере формирования водного законодательства России конца XIX – начала XX в.). *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 7: 333–343.
2016. Социальные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–1930-х гг. В: Ковалева, Н. О., Костовская, С. К., Борисова, Е. А., *Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Серия «Социальная история. Генезис кризисов природы и общества в России»* XL: 140–149. М.: МАКС Пресс.

Архив

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.